

ОТЗЫВЫ

о книге «Париж — всегда отличная идея!»

«Веселая, легкая книга, от которой нельзя оторваться!»

Эбби Хименес,
автор бестселлера *The Friend Zone*
по версии *USA Today*

«Восхитительный роман с персонажами, в которых я влюбилась! Джен МакКинли берет читателей с собой в веселое и очаровательное приключение...»

Эмили Марч,
автор бестселлера *Teardrop Lane*
по версии *New York Times*

«МакКинли рассказывает смешную, но от этого не менее трогательную историю».

Джен Делука,
автор книги *Well Met*

«Искрящаяся остроумием, глубокая и добрая история. Вы будете болеть за Челси во время всех ее путешествий».

Дженни Холидей,
автор бестселлера *Mermaid Inn*
по версии *USA Today*

«Джен МакКинли пишет сексуальные, забавные романы, которые заставят вас мечтать о большем!»

Джилл Шелвис,
автор бестселлера *Almost Just Friends*
по версии *New York Times*

«Забавная, романтическая и до слез трогательная история. Джен МакКинли — восходящая звезда».

**Джеки Бертон,
автор бестселлера *The Best Man Plan*
по версии *New York Times***

«Книга такая же уютная, как любимый рождественский свитер, который дарит теплую и домашнюю атмосферу праздника».

Library Journal

«“Всему свое время” — великолепно описывающая все произведение фраза. <...> Современный роман, который совершенен практически во всех отношениях».

Booklist

«“Всему свое время”. Роман очаровывает с самой первой страницы. <...> Книга-жемчужина, которая обязательно поднимет вам настроение!»

***RT Book Reviews* (лучший выбор)**

«МакКинли умеет создать атмосферу юмора и хорошего настроения».

**Лори Уайлд,
автор бестселлера *The Moonglow Sisters*
по версии *New York Times***

«Блестящий текст, смешные шутки, обжигающая страсть. От этой книги вы не сможете оторваться!»

**Долорес Фоссен,
автор бестселлера *A Coldwater Christmas*
по версии *USA Today***

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Я женюсь.
— А?

— Мы уже выбрали наши свадебные цвета: розовый и серый.

— М-м-м... розовый и какой?

— Серый. Что думаешь, Челси? Только честно. Не слишком ли старомодно?

Я уставилась на своего отца, вдовца средних лет. Мы стояли в свадебном салоне в центре Бостона на углу Бойлстон-стрит и Беркли-стрит, и он говорил со мной о цветовом оформлении свадьбы. *Его* свадьбы!

— Извини, дай мне секунду, — я подняла руку и прикрыла глаза, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит.

Я примчалась из своей квартиры в Кембридже, получив сообщение от отца с просьбой встретить его тут, срочно. Я была готова обсуждать операцию на сердце, но никак не цвета для свадьбы!

Внезапно мне стало нечем дышать. Я с трудом сняла стягивающий шею шерстяной шарф, сорвала с головы шапку и рассовала их по карманам. Я потеряла пальцами виски в надежде, что к голове прильет кровь. Но это не помогло. «*Давай, Челси, — настраивала я себя, — возьми себя в руки*». Я расстегнула пуховую куртку, чтобы немного остыть, и сосредоточилась на отце.

— Что ты сказал? — спросила я.

— Розовый и серый — не чересчур старомодно? — спросил Глен Мартин, он же мой папа. Он сдвинул на

нос очки в проволочной оправе и посмотрел на меня так, словно задавал вполне уместный вопрос.

— Нет, до этого, — я сделала круговое движение рукой, показывая, что нам нужно вернуться к самому началу нашего разговора.

— Я женюсь! — он повысил голос, когда произносил это.

— Ты в порядке, пап? — спросила я. И поинтересовалась я не просто так — насколько мне было известно, он даже ни с кем не встречался, не говоря уже о женитьбе. — Ты недавно поскользнулся на льду и ударился головой, да? Я спрашиваю, потому что ты, наверное, не в себе.

— Прости, — отец протянул руку и порывисто обнял меня — еще один признак того, что передо мной был не тот известный мне математик с консервативными взглядами. — Я просто... Я просто так счастлив. Что ты думаешь о том, чтобы быть цветочницей¹ на моей свадьбе?

— М-м-м... мне почти тридцать, — я старалась не выдать своего замешательства. Что же здесь происходит?

— У нас будет все, как полагается: шафер, подружки невесты, — и вы с сестрой смотрелись бы очень мило в одинаковых платьях. Может быть, что-то с блестками?

— Одинаковые платья? С блестками? — повторила я. Я изо всех сил пыталась понять смысл его слов, но не могла. Все ясно. Мой отец сошел с ума. Наверное, мне стоит позвонить сестре.

Я внимательно изучала его лицо, пытаюсь определить, насколько именно он не в себе. Такие же карие глаза я видела в зеркале каждое утро, но если мои были тусклыми и унылыми, то его радостно сияли. Отец действительно выглядел счастливым.

¹ Цветочница на свадьбе — обычно девочка или юная девушка, разбрасывающая лепестки цветов во время процессии. — *Здесь и далее прим. ред.*

— Ты серьезно? — вздохнула я и оглядела забитый пышными белыми платьями свадебный салон. Все вокруг казалось бессмысленным, и все же я находилась именно здесь. — Ты действительно не разыгрываешь меня?

— Нет, — вновь усмехнулся он. — Поздравь меня, орешек. Я женюсь!

Мне казалось, что моя грудная клетка начала сжиматься. Никогда, ни разу за последние семь лет я не думала о том, что мой отец снова женится.

— На ком? — спросила я. Этого не может быть... нет. Это же просто *безумие*.

— Челси? — папа выпрямился. Улыбка сползла с его лица, и он склонил голову набок — это был взгляд разочарованного родителя.

В жизни мне нечасто приходилось видеть этот взгляд, в отличие от моей младшей сестры Аннабель. Обычно он действовал на меня мгновенно, но не сегодня.

— Шери? Ты женишься на Шери? — я пыталась сохранить невозмутимость в голосе. И вот неудача: сделав шаг назад, я наступила на волочащийся конец своего шарфа и неуклюже шлепнулась на один из обтянутых бархатом стульев, часть этого оч-ч-чень дамского интерьера. Я подумала, что это даже хорошо, что я сижу, потому что, если отец ответит утвердительно, я могу упасть в обморок.

— Да, я сделал ей предложение, и она, к моей радости, согласилась, — еще одна счастливая, глупая улыбка появилась на его губах, как будто он просто не мог ничего с собой поделать.

— Но... но... она выиграла тебя на «Аукционе холостяков» две недели назад! — вскричала я. Я закрыла рот, чтобы не сказать большего. Например, что это решение выглядело поспешным до крайности.

К нам повернулась швея, которая помогала невесте подняться на подиум перед огромным трехстворчатым зеркалом. Ее темные волосы были собраны в хвост на макушке, а лицо было идеально очерчено. На ее фоне я почувствовала себя чучелом, так как на моем воскресном лице не было ни грамма косметики. В свою защиту могу сказать, что моей вины в этом не было, поскольку, когда я вышла из дома, чтобы встретиться с отцом, я понятия не имела, что по адресу, который он прислал, располагался свадебный салон. Я ожидала, что мы встретимся в неотложке (на самом деле я до сих пор сомневалась, что медицинская помощь нам не понадобится).

Глен Мартин, математик из Гарварда и всезнающий отец-ботаник, под натиском моей сестры Аннабель принял участие в «Аукционе холостяков» для лучшего бостонского общества, чтобы собрать деньги для Бостонской детской больницы. Я тоже поехала туда, чтобы поддержать сестру и отца, но скука там была смертная.

Все оживились, когда две светские львицы начали торговаться за хирурга, и проигравшая ударила победительницу по лицу своей картонной аукционной табличкой. Хорошо, что этот парень был пластическим хирургом, потому что после пореза бумагой определенно требовалась какая-то косметическая процедура.

Но мой отец и близко не пользовался такой популярностью среди дам. Никому не нужен был математик. Никому. После того как ведущий попытался продать папину кандидатуру, упирая на его академические заслуги, наступила мучительная тишина, и я уже собиралась сделать ставку на него сама, как вдруг Шери, миниатюрная брюнетка, подняла свою табличку. Улыбка благодарности, которую папа послал Шери, была ослепительной, и следующее, что я помню, — это шквал поднявшихся

табличек. Но Шери не отступала и в конце концов получила свой выигрыш за 435,50 доллара.

— Иногда двух недель достаточно, — сказал папа.

Он пожал плечами и протянул руки, как крупье за карточным столом, показывая, что у него нет скрытых карт, фишек или наличных денег.

Я уставилась на него взглядом, в котором, я уверена, в равной степени прослеживались и шок, и ужас.

— Я знаю, что это сюрприз для тебя, Челс, но когда... — начал он, но я его перебила:

— Пап, я не думаю, что «Аукцион холостяков» — это основа для стабильных, длительных отношений.

— Признай, что история из этого получится отличная, — сказал он.

— Хм... нет, — я пыталась говорить разумно, как будто передо мной была математическая задача о шестидесяти арбузах, которые нужно засунуть в одну маленькую машину. Я широко развела руки и спросила: — Что ты вообще знаешь о Шери? Какой у нее любимый цвет?

— Понятное дело — розовый, — он посмотрел на меня с выражением всезнайки, которое чаще встречается у подростка, чем у взрослого мужчины. Хм-м.

— Хорошо, кто ты и что ты сделал с моим отцом? — я захотела проверить, нет ли у него температуры — возможно, у него грипп и он бредит.

— Это все еще я, Челс, — сказал он, ласково посмотрев на меня. — Я просто счастлив, для разнообразия.

Так ли это было? Так вот что в нем было такого необычного! Он был счастлив! Как он может быть счастлив с женщиной, которую едва знает? Возможно... О боже. Мой отец после смерти мамы жил затворником. Может быть, он наконец-то занялся «кое-чем» и перепутал это

с любовью? О боже, как я должна была говорить с ним об этом?!

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Все родители это делают. Конечно же я справлюсь с этим. Черт возьми, это будет отличная репетиция на случай, если я когда-нибудь заведу собственного ребенка. Я открыла глаза. В дальнем углу стояли три женщины в самых уродливых платьях цвета шартрез¹, какие я когда-либо видела. Очевидно, это были подружки невесты, которая их ненавидела. На их месте могу оказаться и я, в блестящем розовом или сером платье, если не положу конец этому безумию.

— Присядь, папа, — сказала я. — Думаю, нам нужно поговорить.

Он сел рядом и посмотрел на меня с тем же терпением, с каким учил завязывать шнурки. Я отвела взгляд. Фу, это было еще более неловко, чем прием у гинеколога. *Сосредоточься, Челси!*

— Я знаю, что ты уже несколько лет живешь один, — прокашлялась я, — и полагаю, у тебя были некоторые неудовлетворенные потребности.

— Челс, нет... — сказал он. — Дело не в этом.

Я проигнорировала его слова и продолжила говорить, избегая зрительного контакта, потому что просто не могла иначе разговаривать с ним на эту тему.

— И я понимаю, что после длительного периода «засухи» ты можешь запутаться в своих чувствах, и это нормально, — сказала я. Бог ты мой, это было похоже на разговор о сексе в телепередаче с Фредом Роджерсом. — Дело в том, что ты не обязан жениться на первой же женщине, с которой переспишь.

¹ Шартрез (фр. *chartreuse*) — оттенок желто-зеленого цвета (горчично-зеленый, цвет лайма или зеленого яблока).

Ну вот, я ему это сказала. Но мои мудрые советы и наставления были встречены полным молчанием. Я ждала, что отец вздохнет с облегчением, услышав, что ему не придется жениться. И я стала ждать. Наконец я взглянула на отца, но он смотрел на меня так же, как и тогда, когда я обнаружила, что на самом деле зубная фея — это он. С огорчением.

— Шери не первая, — сказал он.

— Не первая? — я была потрясена. Более того, я была шокирована.

— Нет.

— Но ты никогда ни о ком мне не рассказывал, — произнесла я.

— Тебе и не нужно было знать, — ответил он. — Это были просто партнерши, ничего серьезного.

— Их было много?! — закричала я неожиданно для самой себя. Швея снова взглянула на меня с укоризной, и я закашлялась, пытаясь собраться с мыслями.

Папа поерзал на стуле, послав мне легкую понимающую улыбку.

— Возможно, я неудачно выбрал место для встречи. Я думал, ты будешь рада помочь спланировать свадьбу, но, возможно, ты еще не готова.

— Конечно, я не готова, — сказала я. — Но и ты тоже.

— Я готов.

— Да неужели? Ответь мне: Шери больше любит собак или кошек?

— Я не знаю... — заморгал он.

— Да, потому что прошло всего две недели. Ты помнишь, как у тебя выросла шишка на лбу? Ты биопсию делал дольше, чем вы с Шери знакомы, а ты уже готов на ней жениться.

Мой голос становился все выше, и папа сделал жест, означавший «не так громко, пожалуйста». Я могла бы

послушаться, но у меня было чувство, что мои доводы вот-вот прорвут его оборону. Я нанесла сокрушительный удар:

— Пап, а ты хотя бы в курсе, что она предпочитает: пироги или торты?

— Я... хм...

— Ты хоть понимаешь, что собираешься провести остаток своей жизни с человеком, который, возможно, предпочитает праздновать дни рождения с пирогом?

— Челс, я знаю, что все это обрушилось на тебя слишком быстро, — сказал он. — Я все это понимаю, но я не думаю, что любовь Шери к пирогам или тортам на самом деле имеет такое значение. Кто знает, возможно, она любит мороженое, а мороженое подходит ко всему.

— Мама любила торты, — произнесла я. Да. Я это сделала. Я привела самый весомый аргумент против всего этого брачного безумия. Мама.

Улыбка исчезла с его лица, как будто я потушила ее пальцами, словно пламя от спички. Я чувствовала себя паршиво, но не так паршиво, как при мысли о том, что Шери — о нет, только не это! — станет моей мачехой.

— Твоя мать умерла семь лет назад, Челс, — сказал отец. — Тяжело так долго оставаться в одиночестве.

— Но ты не был одинок... наверное, — возразила я. — Кроме того, у тебя есть я и Аннабель.

— Я знаю.

— Так зачем же тебе жениться? — настаивала я.

Он вздохнул:

— Потому что я люблю Шери и хочу, чтобы она стала моей женой.

У меня перехватило дыхание. Чувство было такое, будто он ударил меня по лицу. Да, я знала, что реагирую неправильно, но это был мой отец. Человек, который поклялся любить мою мать, пока смерть не разлучит их.

Но в этом-то и проблема, не так ли? Мама умерла, и с тех пор папа жил один. А потом он встретил Шери Армстронг, которая повышала и повышала ставки на «Аукционе холостяков» и в конце концов заполучила свой приз.

Я ее понимала. Действительно понимала! Меня тоже охватывает азарт, когда на eВау выставляют пару босоножек от Джимми Чу. Бывает сложно остановиться, если нацелился на добычу, особенно когда конкуренция все растет. Но речь ведь идет о моем отце, а не о модных туфлях!

Одна из сотрудниц свадебного салона принесла поднос с коктейлями «Мимоза». Я схватила два бокала, двойную порцию игристого напитка. Боже правый, я надеялась, что в них будет больше шампанского, чем апельсина. Пузырьки защекотали мое нёбо. Хорошо, если бы, они могли смыть послевкусие, которое оставила эта папина потрясающая новость, но этого не случилось.

— Послушай, я знаю, что когда перед тобой толпа одиноких, разгоряченных женщин, их внимание может ударить в голову.

— Правда знаешь? — папа подпер подбородок рукой, изучая меня с приподнятыми бровями и искоркой в глазах.

— Ладно, это не совсем так, но моя точка зрения — а у меня она есть — заключается в том, что вы с Шери пребываете в мире иллюзий, — сказала я. — Я понимаю, что Шери чувствует себя победительницей, завоевав тебя, но это не значит, что она должна выйти за тебя замуж. Я имею в виду, зачем тебе жениться на ней? Почему ты не можешь просто жить с ней во грехе, как другие старики?

— Потому что мы любим друг друга и хотим пожениться.

— Ты еще не можешь этого знать, — возразила я. — Это просто невозможно. Ты еще не видел ее настоящую.

Отец нахмурился, явно ничего не понимая.

— Первые полгода и даже год ты встречаешься не с настоящей Шери, — объяснила я. — Она еще не раскрыла себя. Пройдет время, прежде чем ты узнаешь реально-го человека — того, который забывает опустить сиденье унитаза и не может найти кетчуп в холодильнике, даже когда он прямо перед носом. Истинное лицо не проявится до тех пор, пока не пройдут месяцы. Поверь мне.

— О чем ты говоришь? Конечно же я встречаюсь с *настоящим* человеком. Уверяю тебя, Шери — самая настоящая женщина, — сказал он. — О да, это именно так.

Кончики его ушей покраснели, и я почувствовала, как мое собственное лицо вспыхнуло от смущения.

— Папа, во-первых, *фу*, — сказала я. — А во-вторых, сейчас проявляется ее лучшая сторона. Вы знакомы две недели, но истинная Шери от тебя еще скрыта. Ты видишь женщину с идеальным макияжем и укладкой, у нее спокойный нрав и она смеется над твоими шутками. Они не смешные, кстати.

— Нет-нет-нет, — он покачал головой. — Я видел ее без макияжа. Она так же прекрасна. И у нее действительно крутой нрав — просто окажись с ней разок в машине, когда она за рулем. Я даже выучил несколько новых слов. Очень познавательно. И мои шутки, кстати, чертовски смешные.

Я закатила глаза. Я хочу ему только добра. Я должна быть откровенной.

— Папа, я ненавижу быть грубой, но ты не оставляешь мне выбора. Скорее всего, она выйдет за тебя замуж только из-за твоих денег, — сказала я. Бр-р, я чувствовала себя ужасным человеком, но отец нуждался в защите. На самом деле это было проявление заботы.

К моему удивлению, он даже рассмеялся:

— У Шери намного больше денег. Скорее уж из нас двоих иждивенцем буду я.

— Тогда почему, черт возьми, она хочет выйти за *тебя* замуж? — спросила я.

Слова вылетели, прежде чем у меня хватило ума их придержать. Это было мерзко, и я знала это, но в этот момент я была на грани отчаяния и не очень хорошо соображала.

— Я не это имела в виду, — начала я, но он перебил меня:

— Несмотря на то что ты обо мне думаешь, я довольно популярен среди женщин средних лет. Я бы даже сказал — завидный жених.

Отец встал, снимая пальто с ближайшей вешалки. Когда он пожал плечами, на его лице промелькнуло выражение боли, от которой у меня скрутило живот. Я любила своего отца. Я бы ни за что не причинила ему боли, и все же я сделала это. Я очень его обидела. Я чувствовала себя ужасно.

— Прости меня, папа. Я на самом деле не это имела в виду... — Но он снова перебил меня:

— Нет, ты действительно так думаешь, и, к сожалению, я даже не удивлен, — сказал он. — Послушай, я оплакивал потерю твоей матери каждый день с тех пор, как она умерла, и буду оплакивать ее ежедневно до конца своей жизни, но сейчас я нашел кого-то, кто делает меня счастливым, и я хочу провести с ней свою жизнь. Это не отменяет того, что у меня было с твоей матерью.

— Да ладно! — возразила я. Это. Именно это и беспокоило меня с того момента, как он сообщил новость. Как он мог не понять, что, заменив мою мать, он полностью обесценил то, что между ними было? — Шери собирается стать миссис Глен Мартин, не так ли? И она

собирается переехать в наш дом, верно? Так что все, что когда-то принадлежало маме, — ее имя и дом, где она любила и растила свою семью, — ты просто отдаешь другой женщине. Что дальше? Прикажешь мне звать ее мамой?

На его лице промелькнуло виноватое выражение.

— Нет, — покачала я головой. — Ни в коем случае.

— Я не говорю, что ты должна ее так называть. Просто у Шери никогда не было своей семьи, и она мимоходом упомянула, как сильно она хотела бы, чтобы вы стали и ее дочерьми. Было бы здорово, если бы ты подумала о том, как хорошо снова ощутить материнскую заботу.

— Я не ее дочь и никогда ею не буду, — сказала я. Меня переполняло негодование. — Как ты можешь делать вид, что все это ничего не значит? А память о маме?

Папа смотрел на меня, наклонив голову и приподняв правую бровь, что означало двойную степень родительского разочарования. Он обмотал шарф вокруг своей шеи и натянул перчатки.

— Знаешь что? Я не уверен, возьмет ли Шери мою фамилию. Мы еще не говорили об этом, — сказал он. — Что касается дома, я планирую продать его, чтобы мы могли начать нашу совместную жизнь где-нибудь в другом месте.

У меня перехватило дыхание. Дом моего детства. Исчезнет? Будет продан? Незнакомым людям? Мне показалось, что меня сейчас вырвет. Но вместо этого я прикончила коктейль.

— Мы с Шери поженимся через три месяца, — продолжил отец. — Мы планируем чудесную июньскую свадьбу и очень хотим, чтобы ты была ее частью.

— В роли цветочницы? — усмехнулась я. — Чья это была безумная идея?

— Это предложила Шери, — ответил отец. Его губы сжались. — Она никогда раньше не была замужем и

немного взволнована. На самом деле мне это очень приятно.

— Тридцатилетняя девочка-цветочница, — я произнесла это с упорством водителя, пытающегося объехать нескончаемую пробку. Я просто не могла не сказать этого.

— Ладно, я тебя понял. Тогда приходи в качестве кого угодно, — произнес он. — Ты можешь проводить меня к алтарю, быть моим шафером, подружкой невесты или вести это чертово мероприятие. Мне все равно. Я просто хочу, чтобы ты там была. Для нас с Шери очень важно получить твое благословение.

Я уставилась на него. Кроткий профессор математики из Гарварда, который учил меня всему: как бросать «крученный» мяч, кататься на велосипеде и куда бить, если парень распускает руки, никогда еще не выглядел таким решительным. Он говорил абсолютно серьезно. Он собирался жениться на Шери Армстронг, и я ничего не могла с этим поделать.

— Я... Я... — слова застряли в горле. Я хотела сказать, что все в порядке, что он заслуживает счастья и что я буду там в любом качестве, в каком он пожелает, но я будто задыхалась. Я то открывала, то закрывала рот, как рыба на суше, пытаюсь понять, как дышать.

Отец приподнял воротник пальто, готовясь выйти на холодный мартовский воздух. Он выглядел в равной степени и разочарованным, и расстроенным.

— Не утруждайся.

Он повернулся ко мне спиной. Я не могла пошевелиться. Это было нестерпимо. Я не хотела, чтобы мы расстались вот так, но я была настолько потрясена этим внезапным поворотом событий, что практически впала в ступор. Чувствуя себя несчастной, я ждала, что он уйдет, как вдруг он повернулся ко мне. Будь он зол на меня, я, возможно, уперлась бы и стояла до конца, но он выглядел грустным.

— Что с тобой случилось, орешек? — спросил он. — Раньше ты была девушкой с большим сердцем, ты хотела спасти весь мир.

Я ничего не ответила. Его разочарование и растерянность словно окатили меня ледяной водой.

— Я выросла, — сказала я. Но даже для моих собственных ушей это прозвучало как оправдание.

Он покачал головой:

— Нет, это не так. Совсем наоборот. Ты вообще перестала взрослеть.

— Ты что, издеваешься? За последние семь лет я собрала миллионы, чтобы помочь людям в борьбе с раком. И ты считаешь меня недостаточно взрослой? — спросила я. Во мне поднималась волна негодования. — Я пытаюсь изменить этот мир к лучшему.

— Это твоя карьера, — сказал отец. — То, что ты преуспела в своей профессии, не означает, что ты выросла как личность. Челс, посмотри на свою жизнь. Ты работаешь семь дней в неделю. Ты никогда не берешь отгулов. Ты не ходишь на свидания. У тебя нет друзей. Черт возьми, если бы у нас не было этих совместных завтраков раз в неделю, я сомневаюсь, что вообще видел бы тебя кроме как по праздникам. С тех пор как умерла твоя мать, ты эмоционально отгородилась от всех нас. Что это за жизнь такая?

Я повернула голову и посмотрела в окно на Бойлстон-стрит. Я не могла поверить, что для отца так мало значила моя работа. Я работала на АОО — Американское онкологическое общество. Я старалась изо всех сил, чтобы стать лучшим корпоративным фандрайзером¹ в организации,

¹ Фандрайзер — человек, занимающийся поиском ресурсов для социальных, образовательных, культурных и благотворительных проектов.

и, за исключением одного раздражающего меня коллеги, этот статус никто не подвергал сомнению.

Он вздохнул. Я не могла смотреть на него.

— Челс, я не говорю, что твои достижения не важны. Просто ты изменилась за эти несколько лет. Я не могу вспомнить, когда в последний раз ты приводила кого-то домой, чтобы познакомить с нами. Ты как будто закрылась от всех, с тех пор как мамы не стало.

Я резко повернула голову в его сторону. Как он осмелился вспоминать о моей матери спустя пять минут, как объявил, что снова женится?

— Челс, ты здесь! — раздался голос из примерочной на противоположной стороне магазина. Я отвела взгляд от папы и увидела свою младшую сестру Аннабель, стоявшую в платье из ярко-розового атласа и тюля, отделанном широкой полосой сверкающих кристаллов.

— *Что. Это. Такое?* — Я перевела взгляд с Аннабель на отца и обратно. Кристаллы отражали флуоресцентный свет над головой. От этого перед глазами у меня появились пятна или, возможно, это были признаки инсульта. Трудно сказать.

— Это платье! — взвизгнула Аннабель. Затем она повернулась к нам. Длинная тюлевая юбка веером выбивалась из облегающего атласного лифа, а длинные темные кудри Аннабель ниспадали волнами. Она была похожа на сумасшедшую сказочную принцессу. — Тебе оно нравится, ты от него в восторге?

— Нет, оно мне не нравится. Оно слишком розовое, слишком пышное, и вообще это все слишком! — воскликнула я.

Швея посмотрела на меня так, словно собиралась вытащить несколько булавок из подушечки, прикреплённой к ее запястью, и проткнуть меня несколько сотен раз.

Я немного понизила голос:

— Вы что, оба сошли с ума? Серьезно, что, черт возьми, происходит?

Аннабель ошарашенно остановилась. От резкого поворота ее голова закружилась, и она слегка качнулась на ходу, больше похожая на пьяную принцессу, чем на сказочную.

— Как ты можешь этому радоваться? — рявкнула я на нее, указав на платье. — Ты знаешь меня двадцать семь лет! Как ты могла подумать, что мне такое понравится?

Аннабель схватилась за спинку стула, чтобы не упасть:

— Под словом «такое» ты имеешь в виду платье или свадебную церемонию в целом?

— Конечно же я имею в виду всю эту историю со свадьбой, — проворчала я. — У папы явно кризис среднего возраста, а ты просто идешь у него на поводу. Честное слово, Аннабель, неужели ты не понимаешь, что все это чрезвычайная ситуация?

Аннабель недоумевающе моргнула:

— В чем чрезвычайность ситуации? Папа женится. Это потрясающе. Кроме того, я чувствую свою личную заинтересованность, учитывая, что именно мой аукцион свел папу и Шери вместе.

— Потому что ты, как и папа, совсем спятила! — заявила я. — Двух недель недостаточно, чтобы решить, выходить тебе за кого-то замуж или нет. Боже мой, да даже на получение паспорта уходит больше времени. О чем ты только думаешь, поддерживая эту безумную идею?

— Челс, это несправедливо, и ты это знаешь, — сказал папа.

Должно быть, в глазах у меня был гнев, потому что, посмотрев на меня, отец немедленно сменил тактику, и выражение его лица тотчас смягчилось.

— Когда ты перестала впускать любовь в свое сердце? — спросил отец. Его голос стал мягче и наполнился родительским беспокойством, оно давило, будто туфли, которые были слишком малы, но я игнорировала эту боль. Он не имел права судить меня, в то время как сам собирался жениться на женщине, которую едва знал. — Челс, ты и в самом деле хочешь прожить свою жизнь именно так? Не иметь никого, с кем можно ее разделить? Лично я этого не хочу.

Я отвернулась к окну, отказываясь отвечать. Со вздохом разочарования отец вышел за дверь. Я наблюдала, как его отражение в стекле становилось все меньше и меньше, по мере того как он уходил. Я не могла вспомнить, когда мы в последний раз спорили, бросая друг другу резкие слова, гноящиеся, словно язва. С тех пор как умерла мама, осознание того, насколько драгоценна жизнь, присутствовало постоянно, и мы всегда, всегда говорили друг другу «я люблю тебя» на прощание, даже когда не ладили.

Я подумала о том, что надо бы побежать за ним и сказать, что мне жаль, что я счастлива за него и Шери, но это было бы ложью, к тому же я знала, что я недостаточно хорошая актриса, чтобы притвориться как следует. Я просто не могла заставить себя это сделать. Вместо этого я опрокинула второй бокал коктейля, потому что от коктейлей, в отличие от семьи, всегда знаешь, чего ожидать.